

ные, властные. Мы махнули рукой на все. На счету была каждая секунда.

Перед уходом из квартиры Олег вынул из кармана три стихотворения и протянул их мне.

— Мама, — сказал он, грустно улыбаясь, — вот эти два тебе на память, а это передай Нине Иванцовой. Хорошо?

Никогда не забыть мне, как мой сын тогда взглянул на меня! Нет, я не могу описать все то, что поднялось в моей душе...

Куда провожала я сына? Может, в последний путь? Какая судьба ждет его? Кто пригреет моего мальчика, кто залечит его отмороженные ноги? Найдется ли добрая душа, которая спрячет его от врага?

Почуяло ли мое сердце, что в последний раз я иду рядом с сыном, в последний раз слышу его голос, но я беспомощно заплакала:

— Олежек мой, болит мое сердце! Увидимся ли мы когда-нибудь с тобой?

— Увидимся, мама, — старался он утешить меня. — Ты только так и думай! Хорошо, мамочка?

Он обнял меня, поцеловал, посмотрел мне в глаза. Нахмурился, сдерживая волнение:

— Мамочка, дай мне слово, что ты будешь беречь себя, прятаться от полиции, пока наши придут. Хорошо? А если со мной что-нибудь случится, мамочка, родненькая, не плачь! Не плачь, мама! Чего плакать? Я не упаду перед врагом на колени. Больше, чем жизнь, я люблю отчизну, и всех вас, и тебя, моя родная. А если придется умереть, что ж... свой долг я выполнил. Как мог, так и боролся. А останусь жив — ну, держись тогда, немец!

Мы дошли до села Таловое.

Солнце уже совсем зашло, когда мы, пользуясь вечерними сумерками, сняли в коридоре у Анны Акименко с